

Его слова, точно незримые нити грибницы, пустили корни в гортани юноши, перекрывая дыхание. Сун Цзячжу мертвой хваткой вцепился в палочки, отчаянно пытаясь унять головокружение и усмирить бурю внутри.

Гнев, перемешанный с чем-то темным и болезненным, растекался по венам. Сердце сковывала бесконечная, тягучая горечь, словно его сжимал чей-то тяжелый кулак. Кончики пальцев юноши побелели от напряжения, а в обычно спокойных черных глазах закипел густой, непроницаемый мрак. Он заставлял себя есть, но каждый кусок казался лезвием — Сун Цзячжу почти физически ощущал, как острая сталь режет его изнутри.

Лин Чжи больше не проронил ни слова. Он лишь тихо вздохнул и снова приложился к банке.

«Бедняжка, так легко попался на удочку лжи»

На самом деле прежний владелец тела надевал женские наряды вовсе не ради Сюй Леяна. Ему просто нравились эти яркие вещи; он начал примерять их задолго до того, как влюбился. Однако из-за своего странного увлечения, о котором он не смел никому рассказать, юноша старался быть в классе тише воды и ниже травы, панически боясь чужих взглядов.

Лин Чжи краем глаза наблюдал за Сун Цзячжу, продолжая методично наносить удары по его самообладанию.

— Я знаю, что это обман, что я лишь тешу себя напрасными надеждами, но всё же...

Недосказанная фраза повисла в воздухе горьким призраком и лопнула, точно мыльный пузырь. Звук этого крушения был слишком громким — настолько, что Сун Цзячжу почувствовал, как внутри всё закипает.

Он резко поднялся и ушёл на кухню, где с ледяным безразличием выбросил в мусорное ведро одну из палочек — ту самую, что не выдержала натиска и сломалась в его руке. Юноша взял новую пару, убеждая себя, что эта вспышка ярости вызвана лишь досадой, а чужие сердечные драмы его ничуть не трогают.

Лин Чжи почти не притронулся к еде, продолжая пить.

Видя это, Сун Цзячжу ощутил новый прилив гнева: раз гость пришёл не за ужином, то и блюдам на столе делать нечего. Юноша один за другим убрал тарелки и безжалостно вывалил их содержимое в мусорку. Он никогда не разбрасывался едой — напротив, был весьма бережлив, — но сегодня вид этих блюд, приготовленных собственными руками, стал для него невыносим.

Всё равно их никто не оценит. Они были лишь фоном для выпивки, и Лин Чжи, скорее всего, даже не запомнил их вкуса.

Юноша и не подозревал, что это всепоглощающее чувство, терзающее его душу, зовется ревностью. Уродливой, ледяной и одновременно обжигающей ревностью, которая оплетала сердце черными нитями, оставляя после себя грязные следы.

— Зачем ты всё выбросил? — Лин Чжи поднял на него недоуменный взгляд, словно совершенно не понимал, что произошло.

Тот ответил жестом: «Не вкусно»

Помедлив, он добавил: «Тебе нужно сходить купить что-нибудь другое?»

Он верил, что безупречно скрывает эмоции, не замечая, как очевидна его холодная ярость для Лин Чжи.

«Рассердился... Что ж, подбросим в этот костер ещё немного дров»

Ничто не врежется в память так глубоко, как уязвленное самолюбие и ревность. Конечно, при условии, что человек тебе хоть немного небезразличен. Прежний Сун Цзячжу ни за что бы не пригласил его к себе, а уж тем более не стал бы так остро реагировать на его слова.

— Не нужно.

Щеки Лин Чжи, осушившего уже две банки, залил нездоровый румянец. Он покачал головой и, потирая лоб, затуманенным взглядом уставился в пространство. Когда он потянулся за новой порцией пива, его качнуло, и он едва не рухнул на пол.

Юноша, нахмурившись, холодно наблюдал, как Лин Чжи вскрывает третью банку. Тот начал бормотать что-то невнятное — судя по всему, хмель окончательно ударил ему в голову.

Он сидел на стуле, низко опустив голову так, что длинные черные волосы скрыли лицо. Руки его дрожали, и капли пива пролились на подол белого платья. Внезапно Сун Цзячжу услышал всхлипы — тихие, сдавленные, полные безысходности.

Это стало последней каплей. Юноша рывком подался вперед и почти грубо выхватил банку из рук соседа. Он снова проклял свою немоту: будь у него голос, он бы давно заставил Лин Чжи прекратить это бессмысленное самоистязание.

Но когда Лин Чжи поднял на него глаза, Сун Цзячжу неожиданно для себя порадовался тишине. Ему не пришлось произносить лживых слов утешения.

Глаза Лин Чжи покраснели от слез; он выглядел таким несчастным и беззащитным, что у Сун Цзячжу защемило в груди. Это не было похоже на их прошлую встречу, когда слезы Лин Чжи казались инструментом манипуляции. Сейчас в них не было корысти или притворства, и юноша предпочел бы, чтобы всё это оказалось очередной игрой.

Лин Чжи попытался забрать свою выпивку, но Сун Цзячжу, пользуясь преимуществом в росте, поднял банку высоко вверх и покачал головой. Гость встал и на цыпочках потянулся к его руке, но так и не смог до нее добраться.

Для пьяного подростка это стало последней каплей.

— Маленький немой, даже ты меня обижаешь...

Лин Чжи смотрел на него снизу вверх, и Сун Цзячжу уже приготовился к новой истерике, но тот вдруг шагнул вплотную и обхватил его лицо ладонями.

— Скажи, это потому, что я недостаточно красив?

Юноша едва слышно шептал, словно пытаясь найти оправдание своей неудаче, и упрямо следовал по курсу, который, как он знал, вел к катастрофе.

Алюминиевая банка в руке Сун Цзячжу начала медленно деформироваться, и остатки пива брызнули на пол. Он чувствовал смесь ужаса и абсурда: неужели Лин Чжи так сильно любит того парня, что готов обманывать самого себя?

— Ты ведь тоже считаешь, что я уродлив? Тоже меня ненавидишь?

Сун Цзячжу посмотрел в глаза Лин Чжи и внезапно осознал, насколько ничтожно расстояние между ними. Он кожей чувствовал его теплое дыхание, и стоило лишь немного склонить голову, как их губы соприкоснулись бы.

Юноша замер, не в силах ни кивнуть, ни покачать головой. Если он и ненавидел Лин Чжи, то уж точно не за внешность — тот был чертовски хорош собой, во что бы ни был одет.

Сун Цзячжу почувствовал, как взгляд Лин Чжи переместился на его губы. От одного этого взгляда волна жара прокатилась по спине. Разум требовал оттолкнуть его, но тайное, глубоко запрятанное желание парализовало волю.

Губы Лин Чжи оказались невероятно мягкими, они пахли теплом и сладостью.

Банка окончательно выскользнула из пальцев Сун Цзячжу и с глухим стуком упала на деревянный пол. Солодовый напиток разлился лужей, стремительно растекаясь в стороны.

Этот звук должен был стать сигналом к пробуждению, но захмелевший юноша, казалось, лишь глубже погрузился в свое забытие.

Сун Цзячжу видел сомкнутые веки Лин Чжи, чувствовал его внезапную пылкость, и сердце его начало медленно леденеть.

«О ком ты думаешь сейчас? Кем ты меня вообразил?»

Он хотел, чтобы Лин Чжи открыл глаза и увидел, кто на самом деле стоит перед ним.

Сун Цзячжу мягко отстранился. Взгляд Лин Чжи был туманным и полным детского непонимания.

— Так приятно... Можно еще раз?

Сун Цзячжу понимал, что должен презирать этого человека, который просто пытается залечить свои душевные раны, используя его как замену. Но он невольно продолжал искать ему оправдания: это всё алкоголь, в трезвом уме Лин Чжи никогда бы так не поступил.

Эти противоречивые мысли крутились в его голове бесконечно долго, хотя в реальности прошло лишь мгновение. Ведь Лин Чжи смотрел на него и тихо произнес его имя:

— Сун Цзячжу.

Робкий, по-юношески неловкий поцелуй. Смятение в мыслях и неистовый стук сердца. Первая симпатия, подобно яркому фейерверку или первому снегу, оказалась погребена под слоями недомолвок.

***

На следующее утро Лин Чжи проснулся раньше обычного. Он лежал на диване, укутанный в толстое одеяло. Потирая ноющие виски, он сел и взглянул на часы.

— Шесть утра... — Лин Чжи запустил пальцы в растрепанный парик, словно только что приходя в себя, и посмотрел на стоящего перед ним Сун Цзячжу. — Надеюсь, я вчера не слишком буянил? Ох, как голова раскалывается.

Огонек надежды в глазах Сун Цзячжу мгновенно погас. Он молча покачал головой.

В этот момент юноша почувствовал себя нелепо: он действительно ждал каких-то слов. Вчера вечером, после того поцелуя, Лин Чжи обнимал его и долго бормотал о том, что больше не

хочет любить того человека, пока наконец не заснул глубоким сном.

Сун Цзячжу поверил ему. Он решил, что это к лучшему — забыть того, кто тебя не ценит. Но Лин Чжи всё забыл сам. И свои слова, и поцелуй.

— Одолжи мне еще раз старую форму, я схожу в душ.

Лин Чжи поднялся и, поправляя сбившийся парик, направился в ванную.

[01: Хост, почему мы не развиваем успех? Нужно ковать железо, пока горячо!]

Лин Чжи включил горячую воду и неспешно пояснил:

«Мы здесь, чтобы спасти его, а не столкнуть из одной бездны в другую»

Он и не собирался вчера окончательно покорять Сун Цзячжу. Его целью было пробудить в юноше азарт и ревность, но никак не завязывать отношения на такой почве. Лин Чжи не хотел, чтобы Сун Цзячжу считал себя просто инструментом для утешения или лекарством от чужой любви.

Семя недоверия, однажды посаженное, пускает глубокие корни, которые потом невозможно выкорчевать. Если Сун Цзячжу укрепит в этой мысли, то, как бы ни старался Лин Чжи потом, он никогда не завладеет его сердцем полностью. Напротив, он станет для него новым источником боли: чем сильнее Сун Цзячжу будет его любить, тем больше будет страдать.

Лин Чжи не испытывал к Сюй Леяну никаких чувств, и ему не улыбалось расплачиваться за придуманный план. Легкий флирт — это приправа, но переходить границы — значит всё испортить.

Прошлое не исчезает бесследно. Оно лишь становится отчетливее, превращаясь в острые песчинки или шипы в памяти. Вчера Сун Цзячжу долго не решался перенести его в спальню, оставив спать на диване, что само по себе говорило о его внутренних сомнениях.

Сейчас делать следующий шаг было бы верхом безрассудства. Нельзя смотреть только на тихую гладь воды, игнорируя опасный водоворот под ней. Лин Чжи так легко «забыл» о вчерашнем именно для того, чтобы Сун Цзячжу было сложнее с этим смириться.

Ему было крайне любопытно посмотреть на реакцию юноши, который будет втайне ревновать, не имея на это никакого права.

Лин Чжи вкратце обрисовал свои мысли Системе, не вдаваясь в подробности — и время сэкономил, и уберег 01 от лишней нагрузки.

[01: Мастер, я всё осознала!]

Лин Чжи лишь загадочно улыбнулся. Он вымылся, причесался и надел оставленную у двери старую форму Сун Цзячжу. На этот раз это был осенне-зимний комплект, под которым скрывалась кофта соседа. Вещи были ему явно велики, поэтому пришлось подвернуть рукава.

Пока Лин Чжи был в душе, Сун Цзячжу о многом передумал. Собственно, он ворочался всю ночь. Если бы Лин Чжи предложил ему встречаться, он, скорее всего, отказал бы. Но если бы тот спросил, почему Сун Цзячжу ответил на поцелуй, или снова настоял на занятиях, или захотел всегда сидеть рядом... юноша не знал, что делать.

Если бы Лин Чжи действительно разлюбил того парня, тогда он... он...

В этих терзаниях ему даже приснилось, как они вместе, держась за руки, идут в школу — сон был странным и пугающим.

Но Лин Чжи ничего не помнил.

«Так даже лучше, не так ли?»

Сун Цзячжу посмотрел на Цзиньхуансин в гостиной. Сегодня алая кайма на его листьях казалась ему неоправданно яркой.

***

Утро понедельника всегда навевает тоску, а в пасмурную погоду это чувство лишь усиливается. Неделя температурных качелей закончилась, и наступившие холода официально провозгласили приход зимы.

В классе зажгли свет. Лин Чжи сонно щурился; он успел сделать домашнее задание еще в школе в пятницу, и теперь его тетрадь просто лежала на краю стола, дожидаясь старосту.

Сун Цзячжу, видя его привычную беззаботность, молча наводил порядок на своем месте.

[01: Хост, за это утро цель посмотрел на тебя двадцать пять раз! Это в разы больше, чем обычно!]

Лин Чжи не ответил. Всё шло по плану: было бы странно, если бы Сун Цзячжу на него не смотрел.

Перед уроками по классу поползли слухи о переносе выходных.

— На следующей неделе в среду и четверг промежуточные экзамены. В это воскресенье выходного не будет, его перенесут на потом. Зато после экзаменов будем отдыхать три дня вместо двух с половиной.

— Опять экзамены? Как же время летит.

— Подумай о выходных, может, полегчает?

Ученики выпускного класса Девятой школы обычно отдыхали полдня в воскресенье, а раз в месяц им полагалось три дня каникул. Учителя не хотели, чтобы дети перегорели, но выходные редко приносили облегчение: домашних заданий становилось в разы больше, а внезапные тесты после возвращения были обычным делом.

Сун Цзячжу на миг растерлся. Он уже несколько дней не зачеркивал даты в календаре. Оказалось, до середины семестра осталось всего чуть больше недели. То, чего он так ждал раньше, теперь вызывало лишь смятение в мыслях.

Юноша изо всех сил старался забыть о случившемся и вернуть жизнь в прежнее русло. В конце концов, Лин Чжи любит не его, а он сам — лишь досадный эпизод, о котором тот забыл, протрезвев. Нет нужды снова сближаться.

«Сун Цзячжу»

Он звал его по имени и снова касался его губ. Ярко-алый кончик языка, покрасневшие от нехватки воздуха глаза, затуманенный, полный неги взгляд...

Всё начал Лин Чжи. Так почему он позволил себе забыть об этом? Почему он так бесцеремонно ворвался в его жизнь, разрушил покой, а потом просто отряхнулся и пошёл дальше?

«Сун Цзячжу»

Его губы шевелились, а в нетрезвом голосе слышались почти капризные нотки.

— Сун Цзячжу?

Перед глазами замаячила чья-то ладонь. Юноша очнулся и увидел перед собой Хэ Юйцин.

— Тебя классная в офис просит зайти.

Хэ Юйцин указала на дверь. Сун Цзячжу кивнул и направился к учителям.

Классная руководительница, увидев вошедшего юношу, приветливо поманила его к себе и предложила сесть рядом. Она сразу протянула ему блокнот и ручку, чтобы им было проще общаться.

— Как ты? Всё ли в порядке с учебой, нет ли каких проблем дома?

Это был обычный профилактический разговор. Из-за особенностей Сун Цзячжу учителя всегда проявляли к нему повышенное внимание, боясь упустить момент, если что-то пойдет не так. Юноша покачал головой, давая понять, что у него всё хорошо.

— Скоро промежуточные экзамены. После них мы, как обычно, будем менять рассадку в классе. Есть какие-нибудь пожелания?

Учительница не сомневалась, что Сун Цзячжу снова станет первым, но, помня о его замкнутости, решила проявить инициативу. В первый раз он сам выбрал себе соседа, причем довольно общительного, поэтому теперь она хотела убедиться: если Сун Цзячжу будет неловко снова кого-то просить, она сама всё устроит.

Сун Цзячжу на мгновение задумался и вывел на бумаге короткую строчку.

В это время в классе Лин Чжи болтал с Хэ Юйцин. Точнее, это она его развлекала, выспрашивая о планах на каникулы и зазывая погулять вместе.

— В первый день мы планируем пойти в горы. И для здоровья полезно, и голову разгрузим. А потом два дня поучимся. Не хочешь с нами?

Хэ Юйцин ждала ответа, а ее подруги за спиной вовсю разглядывали Лин Чжи. У того были свои планы на эти дни, поэтому он вежливо отказался, пожелав им удачного похода. Староста не расстроилась и с улыбкой вернулась на место.

— Ну что, он пойдет? — спросил Лю Гао.

— Нет, у него дела. Не получится в этот раз, — Хэ Юйцин пожала плечами. — Слушай, Гао, а чего ты так за него ратуешь?

Ван Лин подозрительно прищурилась, глядя на друга.

— Ну должен же у меня быть напарник! Идти в компании трех девчонок... мне нужна мужская поддержка, — Лю Гао с самым серьезным видом поправил очки.

— Ты забыл, что мой брат тоже идет? — вставила Цяо Юйси.

— А, точно.

Они рассмеялись и переключились на обсуждение припасов для пикника, а затем разговор плавно перетек на будущие экзамены. Во втором полугодии выпускного класса снова предстояло распределение по группам, и учитывались не только финальные баллы, но и результаты промежуточных тестов. Каждая работа была на вес золота.

Лин Чжи по-прежнему ходил к Сун Цзячжу заниматься. Они сидели по разные стороны стола в гостиной, и из-за близости экзаменов оба стали заметно серьезнее.

Сун Цзячжу окончательно убедился: Лин Чжи действительно ничего не помнит. Цзиньхуансин в гостиной плохо переносил холода; казалось, из-за морозов его листья потускнели и потеряли былую яркость. Всё вокруг стало холодным и серым. В тесном пространстве комнаты время словно замерло.

Дни летели стремительно. Во вторник вывесили списки распределения по аудиториям. Староста прикрепил расписание к стене, а ответственный за порядок на доске громко объявил, какой ряд сегодня дежурит, наказав не разбегаться раньше времени.

Лин Чжи нашел свое имя. Прежний владелец тела учился средне, и хотя за этот месяц Лин Чжи подтянул результаты еженедельных тестов, распределение по аудиториям проводилось по итогам прошлой четверти.

Он оказался в аудитории номер три, место двадцать девять. Запомнив цифру, он глянул на начало списка. Первая аудитория, место номер один — Сун Цзячжу.

Он сообщил об этом соседу, и тот быстро показал жестом «спасибо». Они снова стали просто одноклассниками, делившими одну парту. Впрочем, если вдуматься, так было всегда. Разве что теперь Сун Цзячжу предпочитал язык жестов переписке.

После уроков дежурные принялись за уборку, а староста и его помощник начали наклеивать на парты бумажки с номерами и именами учеников. Подобная суэта царила во всех кабинетах.

Сюй Леян, вернувшись после обеда, увидел на своем столе знакомое имя.

«Сун Цзячжу»

— Повезло тебе, Ян-гэ! Похоже, наш класс стал первой аудиторией, а твое место — самое крайнее, вот и первый номер. Сидишь на месте самого гения. Дай потом посидеть, вдруг тоже ума наберусь, — его сосед по парте со смехом хлопнул его по плечу.

Но Сюй Леян вспомнил события позапрошлого воскресенья за спортзалом. Он тогда как раз закончил играть с парнями и выходил на улицу. Помня, во что был одет Лин Чжи, он сразу

узнал его и стоявшего рядом человека.

Это был Сун Цзячжу. Сюй Леян не был с ним знаком лично, но фото «немого гения» и его цитаты мозолили глаза на каждой доске почета. Он всегда был той вершиной, к которой Сюй Леян стремился.

Судя по всему, они ладили. И это беспокоило Сюй Леяна: раз Лин Чжи сказал, что больше не будет его преследовать, значит, он нашел себе новую жертву. Сун Цзячжу.

Сюй Леян из чистого человеколюбия хотел предупредить парня, но, заглянув в их класс, обнаружил, что они сидят за одной партой. Это осложняло дело. Он долго ждал удобного момента, и вот этот момент настал.

Прозвенел звонок с последнего урока самоподготовки. Лин Чжи складывал учебники, готовясь к последнему перед экзаменами занятию.

Система 01 нервничала. Всю эту неделю Хост не предпринимал ровным счетом ничего, словно они вернулись к самому началу. Но она знала, что у него всегда есть план, поэтому просто ждала. Она видела, что объект миссии нервничает не меньше: он смотрел на Хоста всё чаще и чаще, хотя тот оставался безучастным.

«Хост — человек-загадка»

— так с благоговением подумала 01.

Лин Чжи, как обычно, ушёл первым. Сун Цзячжу сегодня медлил, собирая вещи, и вышел из класса последним. У дверей он заметил парня, который явно кого-то ждал.

Сун Цзячжу не знал его и решил, что тот ждет кого-то другого, но парень окликнул его:

— Сун Цзячжу, верно? Слушай, мне нужно кое-что тебе сказать.

Сюй Леян всё-таки решился. В отличие от него, здорового парня, Сун Цзячжу было бы трудно позвать на помощь, если бы этот ненормальный начал его преследовать. Ведь он даже крикнуть не может.

Сун Цзячжу вопросительно замер.

— Здесь не лучшее место. Давай спустимся, поговорим по дороге.

Сюй Леян заранее продумал свою речь. Как только они отошли туда, где их никто не мог

слышать, он выпалил:

— Будь осторожен с Лин Чжи. Он извращенец и преследователь.

Сюй Леян не хотел признаваться, что сам стал объектом слежки, поэтому добавил:

— Не считай его хорошим человеком. Я говорю это не просто так, я видел всё своими глазами.

<http://bllate.org/book/15821/1435646>